

«МУЖЧИНА СТАНОВИТСЯ»: ПРОБЛЕМА МАСКУЛИННОСТИ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Раскрывается проблема маскулинности как противоречивого, но необходимого в рамках традиционной культуры эталона «настоящего мужчины». Утверждается, что становление мужчиной является необходимым атрибутом маскулинности и сопровождается мальчиком/мужчину на протяжении всех периодов его жизни. Делается вывод о том, что в современной культуре необходимы преодоление традиционного понимания мужественности и выработка разнообразных моделей маскулинности.

Ключевые слова: настоящий мужчина; маскулинность; феминность; мужской вопрос; гендерные исследования; инициация; отрицание; становление.

С 70-х гг. XX в. принято говорить о так называемом кризисе маскулинности, назревшем в культуре и требующем адекватной репрезентации в научном дискурсе. Длющаяся уже несколько веков борьба женщин за право быть полноценным субъектом в политике, экономике и других сферах общественной жизни привела не только к действительным переменам в их положении, но и к осознанию новых фундаментальных проблем гендерной идентичности. Мужчины, наблюдавшие за сложным процессом самоосознания женщин как бы со стороны, неожиданно для себя приходят к необходимости переосмысления и своей собственной сущности. Что значит быть мужчиной в современном мире? Как стать счастливым, если по тем или иным причинам человек не может или не хочет подчиняться господствующей модели маскулинности? Как совместить традиционный идеал мужественности и потребности, диктуемые современной жизнью? Желание быть любящим мужем, заботливым отцом, лучшим другом можно ли совместить с идеалом равнодушного и агрессивного самца?

Другими словами, мужчины постепенно начинают осознавать, что изменившиеся социальные условия и их действительные потребности входят в противоречие с традиционной моделью маскулинности. Поэтому «быть мужчиной» – на сегодняшний день это одна из самых сложных и запутанных задач, однако ставится она перед каждым человеком мужского пола практически с детства и от ее решения зависят и успешная самореализация, и личное счастье человека, а, в конечном итоге, и здоровье нашего общества.

Таким образом, к концу XX в. оформился «мужской вопрос», благодаря которому традиционное понимание маскулинности ставится под сомнение и проблематизируется необходимость представителей мужского пола этому пониманию соответствовать.

Одно из самых значительных достижений указанной проблематизации маскулинности является *обнаружение* мужского, выведение мужского из тени «человеческого вообще». Как известно, теоретики феминизма подчеркивали тот факт, что характеристики мужественности в традиционной западной культуре практически тождественны характеристикам человека, в то время как специфические женские черты признаются некоторым отклонением от общечеловеческой (мужской) нормы. Как отмечает Сандра Бем, «мужчины и мужской опыт воспринимаются как нейтральный стандарт или норма, а женщины и женский опыт воспринимаются как отклонение от нормы, обусловленное спе-

цифической пола. Поэтому к мужчине относятся не как к лучшему, а к женщине – как худшей, а, скорее, с мужчиной обращаются, как с человеком, а с женщиной – как с «другой» [1. С. 34]. Женщины – это «другой», или «второй», пол (Симона де Бовуар: «Он – субъект, он – Абсолют, она – Другая» [1. С. 80]). Можно сказать, что женщины только и представляют собой единственный видимый пол: половой вопрос – женский вопрос, гендерные исследования – женские исследования и т.п. Однако чем больше феминистское движение акцентировало внимание общественности на вопросах женских политических прав и свобод, возможностей полноценной самореализации и самоопределения в личной жизни, тем явнее и полновеснее вырисовывался *мужской пол*, по отношению к возможностям которого женские возможности можно и нужно признавать недостаточными. После того как теория феминизма вводит в обращение и начинает активно использовать для объяснения подчиненного положения женщин понятие патриархата, становится очевидным, что, во-первых, наряду и в соотношении с женским полом существует мужской пол, и, во-вторых, в общественной жизни, политике, экономике, культуре, семье мужской пол занимает доминирующие позиции.

Таким образом, феминизм обусловил появление и оформление маскулинности как отдельного предмета исследований. «Мужское» из источника женских проблем трансформируется в самостоятельную проблему, и эта новая проблема имеет несколько значимых аспектов.

Американский социолог Майкл Месснер выделяет три значимых фактора общественной жизни мужчин:

«Во-первых, мужчины как группа пользуются институциональными привилегиями за счет женщин как группы. Во-вторых, за узкие определения маскулинности, обещающие им высокий статус и привилегии, мужчины расплачиваются поверхностными межличностными отношениями, плохим здоровьем и преждевременной смертью. В-третьих, неравенство в распределении плодов патриархата распространяется не только на женщин, но и на мужчин: гегемонистская маскулинность белых гетеросексуальных мужчин среднего и высшего класса конструируется в противовес не только феминностям, но и подчиненным (расовым, сексуальным и классовым) маскулинностям» [2. С. 564].

Иными словами, проблематизация маскулинности раскрывает сложные отношения доминирования мужчин над женщинами, а также привилегированных мужчин над остальными; отношения, которым сопутствуют

такие деструктивные факторы, как неспособность выражать свои чувства и небрежное отношение к собственному здоровью.

На основе уже проведенных в разных странах исследований проблемы мужественности можно указать наиболее значимые условия изменений, которым подвергается маскулинность в современном мире. Игорь Кон выделяет из них следующие:

1. Разрушение традиционной схемы разделения труда.
2. Изменение гендерных отношений власти.
3. Эволюция брачно-семейных отношений.
4. Изменение характера социализации мальчиков.
5. Изменение социокультурных стереотипов маскулинности.
6. Изменение критериев мужской красоты, границ мужской эмоциональной чувствительности.
7. Усложнение взаимоотношений между мужчинами.
8. Изменение характера мужской сексуальности.
9. Рост терпимости по отношению к гомосексуальности [2. С. 584–587].

В то же время приведенные трансформации нельзя воспринимать как «феминизацию» мужчин. С точки зрения Игоря Кона, происходящее невозможно оценивать в упрощенных схемах. Скорее можно говорить о том, что «половые различия становятся более индивидуализированными и тонкими» [2. С. 599], что в итоге должно привести к возникновению и сосуществованию множества форм и проявлений маскулинного и феминного в культуре. И, более того, «индивидуализация и плюрализация социального бытия влечет за собой неизбежность признания не только разных типов маскулинности / феминности, но и таких индивидуальных стилей жизни, которые вообще не вписываются в эту дихотомию» [2. С. 605].

Итак, мужское в современной культуре становится явным. Это продуцирует ряд серьезных проблем, связанных с пониманием и осмыслением мужской сущности в изменяющемся мире. Открывается целая история маскулинности, в рамках которой эксплицируются предпосылки и основные черты традиционного идеала мужественности, а также перспективы и трудности его трансформации в современных условиях.

Одна из интереснейших попыток осмысления «мужской сущности» изложена в одноименной книге французской исследовательницы Элизабет Бадентэр. Автор, обращая особое внимание на использование понятия мужчины и категорий, обозначающих эталонные мужские характеристики в языке, утверждает, что мужественность никогда не являлась некой природной очевидностью. Даже несмотря на вполне определенные анатомические особенности мужского организма (которые, кстати говоря, не всегда в истории интерпретировались однозначно в противовес женским характеристикам, *one sex model*) и состав половых хромосом (ху), принадлежность к мужскому полу, тем более соответствие эталону мужественности, не может определяться по этим критериям. Словосочетание «быть мужчиной» употребляется не как констатация факта, а скорее как призыв, задача, требование, несогласие с которым влечет за собой жесткие репрессивные последствия для человека. «Наша обыденная речь, – пишет Э. Бадентэр, – выдает наши сомнения, а порой и тревоги,

когда мы говорим о мужественности как о цели и долге. Так часто звучащий призыв “Будь мужчиной!” означает, что это не происходит само собой, что мужественность не так уж, по-видимому, присуща природе мужчины, как это принято считать. Быть мужчиной предполагает определенную работу, чего не требуется от женщины, чтобы быть женщиной. Таким образом, мы как бы безотчетно признаем, что женственность есть нечто естественное, следовательно, неоспоримое, в то время как мужественность предстоит еще приобрести, и что это обойдется недешево» [3. С. 11–12]. Иными словами, сам язык свидетельствует о том, что мужественность есть скорее задача, нежели акulturная и предискурсивная данность.

Так трудно стать мужчиной: мужская инициация. Итак, не всякая особь мужского пола может быть названа мужчиной, есть некий разрыв между биологическими атрибутами индивида и его особым статусом – «настоящий мужчина». В западной культуре во все периоды, от архаики до современного постиндустриального общества, артикулировалась необходимость этот разрыв преодолеть. Более того, становление мужчиной рассматривалось как *долг*, процесс, в результате которого человек должен *доказать* свое право на принадлежность к мужскому обществу, пройдя при этом определенные *испытания*. Очевидно, что такое понимание мужественности неизбежно сопряжено со страхом оказаться недостойным звания «настоящего мужчины». И поскольку само это звание в большой мере представляет собой идеализированную модель, ясно, что считать себя вполне и окончательно состоявшимся «мужчиной», а значит, полностью освободиться от тревоги, не может никто. «Мужественность не дается просто так, она должна созидаться, “вырабатываться”. Мужчина, следовательно, представляет собой рукотворный продукт, отличающийся от творения природы, и как таковой он постоянно подвергается риску быть признанным продуктом с изъяном подобно браку производства, с дефектом в мужском оснащении. Короче, мужчина может оказаться несостоявшимся» [3. С. 13–14]. Таким образом, понимание мужественности как идеала, с одной стороны, ставит перед индивидом мужского пола заранее неосуществимую задачу, провоцируя тем самым состояние постоянной неудовлетворенности своим положением. С другой же стороны, поддерживается и развивается стремление этот идеал достичь, сопряженное с преодолением определенных препятствий и отмежеванием от тех, кому «настоящая мужественность» совершенно недоступна (женщины или мужчины-неудачники).

Как отмечает Игорь Кон, «...поскольку мужчины на протяжении веков были господствующей силой общества, по крайней мере его публичной сферы, нормативный канон маскулинности и образ “настоящего мужчины”, как и все прочие высшие ценности, такие как “настоящая дружба” и “вечная любовь”, всегда идеализировались и проецировались в прошлое. Философы классической Греции восхищались мужеством героев гомеровской эпохи. Римляне времен Империи скорбели об утрате мужских добродетелей республиканского Рима. Англичане эпохи Реставрации и французы периода Регентства сетовали на упадок мужской доблести, свойственной средневековым рыцарям, а немцы начала XX в. умилялись средневековым мужским союзам и мужской дружбе эпохи романтизма» [4. С. 14]. Иными

словами, поскольку мужественность идеализировалась всегда, можно с уверенностью говорить и о присутствии во все известные эпохи западной культуры техник «становления мужчиной» и практик отмежевания от «не мужчин».

Ритуалы посвящения. Первый этап, на котором человек сталкивается с необходимостью соответствовать эталону мужественности, – это юность. Именно в это время мальчик, взращенный в материнском лоне, оберегаемый матерью и другими женщинами в младенчестве, должен доказать, что эта погруженность сначала в женский организм, а затем в женское общество, не сделала его женственным, что он способен быть мужчиной и может быть принят в мужское сообщество.

В различных культурах, в различные исторические эпохи вырабатывались разнообразные ритуалы «посвящения в мужчины», целью которых было изменение статуса мальчика, его полноценное вхождение в мир мужчин. Как сообщает Э. Бадентэр, в одном из индейских племен (племя лисицы в Айове) обретение статуса настоящего мужчины доступно очень немногим представителям мужского пола, только лучшие из лучших способны достичь его. Однако в большинстве известных обществ призыв быть мужчиной обращен ко всем мальчикам, и его реализация является непреложной ступенью воспитания, ступенью, которая сопряжена с поистине драматическими испытаниями.

Первый акт этой драмы, как правило, разворачивается посредством отрыва мальчика от матери в возрасте между семью и десятью годами. В племени Самбия в Новой Гвинее мальчики неожиданно отнимаются от матери и отправляются в лес. Чтобы избавить их от женской «заразы», в течение трех дней их секут до крови, разбивают нос. После чего им запрещается касаться матери, смотреть на нее, говорить с ней до тех пор, пока уже сами эти мальчики не станут в свою очередь отцами.

После того как нежные материнские объятия жестко и безвозвратно разорваны, наступает время следующей, не менее болезненной процедуры – приобщения к другому миру, где нравы и обычаи во всем противоположны женским. Эта противоположность выражена в подчеркнуто жестоких и обязательно при этом публичных испытаниях. Вот лишь некоторые из них: надрезы кожи, надрезы пениса, порка до крови, публичные столкновения. Как отмечает Э. Бадентэр, «ритуалы посвящения продолжают существовать в различных человеческих обществах, имея большую или меньшую степень драматизма» [3. С. 122].

Гомосексуальная педагогика. Нужно сразу оговорить то, что данное выражение обозначает не «обучение гомосексуализму», но явление совершенно иного рода. Дело в том, что в некоторых традиционных обществах трансформация мальчика в мужчину не мыслится вне эротической или сексуальной связи со взрослым мужчиной. Там, где мужественность считается привилегией, она противостоит женственности, и, соответственно, передача мужественности предполагается возможной только в закрытом мужском сообществе. Тот, кто любит настоящего мужчину, сам уподобляется ему, становится более мужественным и в большей степени дистанцируется от всего женского. В некоторых обществах передача мужественности понима-

лась буквально, как, например, в племенах Самбия и Баруйя, где инициация мальчика основывалась на убеждении, что «при сосании молока матери ребенок феминизируется, а принимая мужскую жидкость, он становится мужчиной» [3. С. 135]. Поэтому считалось, что только через питание спермой мальчик становится мужчиной, что выражается и в изменении его характера, и в появлении вторичных половых признаков.

Уже не так буквально, но так же значительно понимается передача мужественности посредством гомосексуальной близости и в культуре Древней Греции, где любовные отношения эраста и эромена являлись существенным фактором общественной и политической жизни, способом полноценного воспитания личности и гражданина. Вследствие чего гомоэротическая связь очень строго регламентировалась.

Как замечает Г. Лихт, «...утверждение Гете: “Любовь к мальчикам стара, как само человечество” находит подтверждение в современной науке. Древнейшее из известных на сегодняшний день свидетельство на этот счет обнаружено на составленном более четырех с половиной тысячелетий назад египетском папирусе, который доказывает, что в ту эпоху педерастия была широко распространена в Египте, где само собой разумеющимся считалось, что она существует и среди самих богов. Истоки греческой любви к мальчикам теряются в доисторической эпохе, даже во мраке греческой мифологии, изобилующей преданиями о педофилии. Сами греки относили ее возникновение к древнейшим временам своей легендарной истории» [5. С. 301].

Тем не менее одним из самых важных признаков гомосексуальной педагогики является ее временность. Пройдя определенные испытания для овладения мужской сущностью, молодой человек становится полноценным членом мужского сообщества, что, конечно, предполагает постоянное подтверждение своей лояльности и преданности эталону «настоящего мужчины», а также непрерывное отмежевание от женских характеристик, подтверждение своего превосходства над женщинами. Осваивая новые для себя роли мужа и отца семейства, новый мужчина, рожденный мужчиной / мужчинами, всегда осознает свое положение высшим по отношению к женщинам и находит себя в беседах и соревнованиях среди других мужчин.

Можно со всей уверенностью утверждать, что в современной культуре также сохраняются определенные ритуалы посвящения и методы гомопедагогики. Однако точка приложения мужской инициации перемещается с телесного на психическое. Общим условием «посвящения» продолжает оставаться принадлежность к мужскому сообществу и отличие его от принципов и установок некоего символического Другого, т.е. женского сообщества. «В современной культуре, – как отмечает Е.А. Окладникова, – “мужскими” пространствами являются работа, офис, ресторан, тир, клуб, наконец, баня. В современной бане, в голом сообществе себе подобных, где все равны, нет явной гомоэротики (геи, боясь разоблачения, избегают банного общества), зато присутствует очень важная для всех мужчин гомосоциальность. Это особое, основанное на исключении женщин, переживание мужской солидарности, в котором соперничество и ревность (в том числе из-за женщин) переплетаются с чув-

ством органической общности, принадлежности к одной группе (мы-мальчики, мы-мужчины)» [6. С. 14]. Гомосоциальность больше не требует физического акта подтверждения принадлежности к мужественному и отмежевания от женственного. Однако граница между первым и вторым проходит очень явственно и в языке (большую роль как специфическое средство выражения в мужском сообществе продолжает играть мат, в котором основные выражения подчеркивают презрительное отношение к женщинам), и в поведении через демонстрацию своего мужского капитала (материального благосостояния, социального статуса, историй овладения женщинами и т.п.).

Как отмечает Дэвид Гилмор, практически во всех известных обществах существует представление о «настоящей» мужественности, которая не сводима к анатомическим особенностям индивида и не появляется автоматически в результате взросления. Она есть неуловимый и желанный статус, за обладание которым мальчики должны бороться и преодолевать значительные препятствия. «Это некий увещательный зовущий имидж, который вдохновляет и мальчиков и мужчин и который, в соответствии с требованиями их культур, является мерой их принадлежности к ним» [7. С. 888]. Поэтому-то неискоренимы и разнообразные ритуалы посвящения в мужчины, которые могут принимать, однако, в различных обществах различные оттенки.

Отрицание как принцип становления: не ребенок, не женщина, не гомосексуалист. Общим для всех мужских инициаций является их ярко выраженный отрицающий характер. И на первом этапе отрыва от матери, и на последующем этапе вступления в специфическое мужское сообщество мальчик должен преодолевать в себе все черты, отдаляющие его от желанного и труднодоступного статуса «настоящего» мужчины. Но, с другой стороны, эта дифференциация себя от Другого сама по себе является свидетельством необходимости Другого, чтобы становление мужчиной могло состояться и чтобы этот статус мог поддерживаться в течение всей жизни. Наличие Другого, представляющегося, как правило, в образе матери и женщин вообще; мальчика, который еще не подавил в себе привязанность к женскому и женское восприятие мира, а также, в современной культуре – гомосексуалиста, который, не обладая женщинами, не может дистанцироваться от них, – залог успешного становления мужчиной. Как отмечает С.А. Ушакин, «...Другой, с принципиальной недостижимостью и непостижимостью его позиции в этом процессе, занимает не столько противоположный, запредельный фланг спектра идентификационных возможностей, сколько находится в основе самого процесса идентификации. Апелляция к Другому, ограничивая поле возможных идентичностей, придает им осмысленный, т.е. структурированный (“свой / чужие”), характер вне зависимости от исходного “анатомического материала” субъекта» [8. С. 204].

Три приведенных фундаментальных отрицания могут быть сведены к одному, поскольку статус ребенка и гомосексуалиста отрицается ввиду неразличимости по отношению к женскому началу. Так, мальчик может стать мужчиной, только разорвав первоначальную идентификацию с матерью. Материнское лоно в физическом и психическом смыслах (как часть женского тела, в которой зарождается жизнь ребенка, и как та

атмосфера мягкости, нежности, любви, которой окружен ребенок первые годы своей жизни) должно быть преодолено, предано и убито [3. С. 99–104], прежде всего, в сознании самого мальчика; должно быть раз и навсегда искоренено из его мироощущения. Более того, дистанцирование по отношению к матери символизирует размежевание с женственным как таковым и с необходимостью должно быть перенесено на всех женщин вообще. Поддержание этой дистанции у молодых и зрелых мужчин касается уже не столько отношений с матерью, сколько отношений с другими женщинами, отношений, главным принципом которых должно стать «обладание», т.е. практическая демонстрация своего сущностного метафизического и физического превосходства. «*Иметь* женщину, чтобы *не быть* женщиной» [3. С. 158] – это условие мужественности, которое провоцирует негативное отношение к гомосексуальности в современной культуре. Интересно, что в Древней Греции эталон гомоэротических отношений существовал наряду с постулатом о превосходстве мужского начала над женским. Однако известно также, что «любители юношей», как правило, сами были женаты и имели детей, т.е., обладая женщинами, к духовному совершенствованию и познанию истины стремились вместе с любовниками-мужчинами.

Таким образом, Другое мужчины, как вечный призрак возможной неудачи в трудном деле достижения «настоящей» мужественности, как угроза его жизненной состоятельности и, с другой стороны, как само условие дистанцирования и становления мужчиной, это Другое – есть преимущественно женское. Так, например, С.А. Ушакин, желая подчеркнуть основополагающую роль женственности для становления мужественности, вводит понятие муже(N)ственности: «Именно эта постоянная потребность в Другом, именно эта радикальная (или радикализованная?) оппозиционность женственности, с помощью которой мужественность поддерживает видимость своей категориальной самостоятельности, и превращает ее в муже(N)ственность, где неизвестность N одновременно является источником и постоянного беспокойства, и постоянной потребности в иллюзорной реставрации никогда не существовавшей «целостности», будь то целостность понятия или целостность идентичности» [8. С. 205].

Категория маскулинности предполагает *становление* в качестве своего необходимого атрибута. Становление же происходит в процессе *отрицания* Другого (феминного). Следовательно, женское является необходимым условием мужского. Более того, идеал женственности совершенно определенно должен быть направлен на поддержание существующей модели мужественности, т.е. должен «воспитывать» в определенной группе индивидов те характерные черты, которые наиболее явным образом оттеняют эталон мужественности. В этом подчинении идеалу женственности раскрывается становление женщиной, основная цель которого, по сути, заключается в обеспечении условий становления мужчиной. Быть женщиной, таким образом, означает быть привлекательной для мужчины, быть спутницей мужчины, отдаваться мужчине. Как замечает в этой связи П. Бурдьё, «процесс воспитания мужественности, которому способствует весь социальный порядок, может полностью осуществиться только при соучастии женщин, т.е. через

ее жертвенное подчинение, подтверждаемое принесением в дар тела (говорят же: «отдаваться»), что является, бесспорно, высшей формой признания мужского господства в его самых специфических аспектах». [9. С. 340–341]. Причем это «принесение тела в дар» не всегда означает половой акт и вообще сферу сексуального. Намного больше это касается разнообразных техник формирования женского тела, которые охватывают большую часть жизни женщины и представляют собой сильнейший репрессивный механизм, заставляющий одних людей подчиняться идеалу женственности, а других, отрицая их как воплощение этого идеала, – стремиться к идеалу мужественности. К числу таких техник, часто даже неосознаваемых в их подлинном назначении, можно отнести и формирование женской стопы в древнекитайской культуре: на фоне искусственно маленькой женской стопы нога даже среднего китайского мужчины кажется обладающей внушительным размером. Также к таким техникам можно отнести распространенный в Египте, Йемене, Эфиопии, Сомали, Судане и Кении обычай клитороэктомии (удаление клитора), которому уже в современности, по данным Л. Эттингена, подвергнуто около 135 млн женщин [10. С. 169]: даже женские половые органы должны символизировать чистое отрицание мужских органов, абсолютную противоположность. То же самое можно утверждать и относительно обычая племени каренов-падонгов (длинношеих), где женщинам с детства на шею одевают по одному латунному или бронзовому кольцу в год так, что они вырастают, имея очень длинную шею. И если муж провинившейся в чем-то женщины снимает с нее эти кольца, шея переламывается. Иметь тело с неестественно длинной шеей – это ли не значит «отдаться»? В современной европейской культуре эти техники также пронизывают женское тело, как и в приведенных экзотических сообществах, только репрессия данного рода все еще имеет характер привычного, а значит, менее бросающегося в глаза: тело, проработанное различными косметическими средствами; тело, усвоившее определенную осанку, манеру двигаться, говорить, смотреть; тело, имеющее деформированные многолетним ношением неудобной (на шпильках) обуви ноги, есть уже тело культурное, подавшееся и «отдавшееся» эталону феминности, а следовательно, помогающее мужчинам стремиться к своей мечте, преодолевая это тело как необходимое, но презренное препятствие.

Другими словами, именно женское тело помогает мужчине *становиться* мужчиной. Однако, по изложенным выше причинам, женское тело не может пониматься в свете некоторой биологической акультурной данности. Нет анатомии вне интерпретации. Женское тело – не анатомическое «дано», но «область культурных возможностей, которые реализуются и моделируются различным образом» [11. С. 298]. Еще больше эта «окультуренность» относится к самой маскулинности, с которой не рождаются, но идеализированный образ которой неотступно требует своей реализации во внешнем облике человека, в человеческих взаимоотношениях, в человеческом теле, наконец.

Противоречия в идеале. Итак, каково же содержание идеала маскулинности? В 70-х гг. XX в. американский психолог Роберт Брэннон выделил четыре главных черты маскулинности:

1. «Без бабства» («no sissy stuff») – мужчина должен избегать всего женского.

2. «Большой босс» («the big wheel») – мужчина должен добиваться успеха и опережать других мужчин.

3. «Крепкий дуб» («the sturdy oak») – мужчина должен быть сильным и не проявлять слабость.

4. «Задай им жару» («give 'em hell») – мужчина должен быть крутым и не бояться насилия [4. С. 75–76].

Другими словами, настоящий мужчина – не женщина, не неудачник, не слабак. Позже к этим характеристикам были добавлены гомофобия (не гомосексуалист) и деперсонализированная сексуальность (сексуальность вне любви). Всю жизнь мальчик / юноша / мужчина должен соотносить свои взгляды, поведение, внешность с этим эталоном, всю жизнь он обязан доказывать свою принадлежность мужскому сообществу, свою истинную мужественность. Эта нелегкая задача, связанная со многими, в том числе и рассмотренными выше, испытаниями, неуклонно требует своего положительного разрешения практически в каждой жизненной ситуации, в каждый жизненный период. В связи с этим мужчина постоянно находится под угрозой недостижения мужественности, под угрозой оказаться «мужчиной упадка», «мужчиной-который-не-мужчина» [7. С. 889]. Эта альтернатива гипомаскулинности (недостаточной маскулинности) намного проще достижения, чем эталон. Достаточно даже одного промаха, одного проигрыша в мужском испытании, как человек приобретает клеймо «бабы», «слабака» или «гомика». Эта жесткость категоризации проявляется с раннего детства, когда в ответ на множественные замечания взрослых «ты, что девчонка?», «боишься / плачешь как девчонка» и т.п. ребенок начинает в большей или меньшей мере осознанно воспроизводить то поведение, которого от него желают или, скорее, требуют, сопровождая его четкими ответными фразами «я же не девчонка, не девчонка». В дальнейшем это одно отрицание дополняется и другим, усложняющим необходимую для оужествления дифференциацию – «ты – гомик, сам ты гомик». Понимая или нет доподлинно значение слова «гомосексуалист», дети уже впитывают этот жесткий и жестокий критерий. Вся эта борьба за статус мужчины постепенно усложняется и ужесточается в старших классах школы, в армии и т.д., где первые два критерия уже начинают тесно переплетаться с критериями насилия и / или в более мягкой форме – материального благосостояния, обладания женщинами и т.п.

Таким образом, отрицание не только является условием становления мужчиной, но и может рассматриваться как содержание самого идеала маскулинности. Однако это содержание при более пристальном рассмотрении обнаруживает ряд существенных противоречий. Главное из них Игорь Кон относит к противостоянию фаллоцентризма и логоцентризма. Так, с одной стороны, маскулинность во всех культурах отождествляется с сексуальной потенцией, а сама эта потенция, символизируемая фаллосом и фаллическим культом, рассматривается в качестве свидетельства власти и могущества. Однако, с другой стороны, универсальным критерием маскулинности признается разум, рациональное, духовное начало в противовес телесному и чувственному, как исключительно женским характеристикам. И то и другое

начало предполагают отрицание женского: первое – через обладание им, второе – через превосходство над ним. Однако они в корне противоречат друг другу: «Хотя мужчина должен быть сексуальным, от него ждут господства разума над чувствами, головы над телом, а самый сложный объект самоконтроля – его собственная сексуальность. Несовпадение фалло- и логоцентризма делает единый непротиворечивый канон маскулинности принципиально невозможным...» [4. С. 83].

Более того, значительная часть отрицаемых характеристик имеет неоспоримое отношение к человеческой природе: человеку как таковому свойственно быть уязвимым, свойственно испытывать определенные чувства сопереживания, заботиться о своем потомстве, испытывать любовь или страх. Поэтому само разделение человеческих свойств, их бинарное противопоставление, целожизненные усилия, направленные на преодоление одних и утверждение других, обуславливают формирование нездорового человека, мужчины, «разрезанного надвое» [3. С. 196]. Эта «разрезанность» в обществе и семье проявляется через так называемое «разделение сфер». Разделение сфер оставляет заботу о детях и ведение домашнего хозяйства в компетенции женщин, а работу, участие в политике, занятия спортом закрепляет за мужчинами. Флорид Делл отмечает: «Когда вы держите женщину в заточении и платите за это арендную плату, то ее отношение к вам незаметно меняется. Исчезает прекрасное волнение демократии, уходит товарищество, поскольку оно возможно только в условиях демократии. У вас больше нет совместной жизни – она распалась на части. Одна половина – готовка, стирка, дети; вторая – работа, политика, бейсбол. Неважно, чья половина хуже. Любая из них оказывается ущербной» [12. С. 412].

Меняющиеся мужчины. Феминизм и женские исследования, раскрывая ущемленное положение женщины в патриархальном обществе, постепенно изменяют акцентуации культуры и заставляют мужчин с новой стороны осмыслить свое господствующее положение в обществе. Положение, которое наряду с определенными привилегиями сообщает им и необратимые травмы, такие как потеря матери (обогащающего положительного союза с ней), невозможность полноценного партнерства с женщиной (вследствие идеала деперсонализированной сексуальности и политики разде-

ления сфер), отсутствие взаимопонимания со своими детьми (идеал сверхчувственной мужественности порождает равнодушного или «отсутствующего» отца), потеря здоровья (в погоне за необходимыми для «настоящего» мужчины атрибутами материального достатка) и т.п. По меткому замечанию Э. Бадентэр, «...многие обвиняют феминистское движение шестидесятых годов в том, что оно дестабилизировало установленные раз и навсегда половые различия и спутало четкие ориентиры. В действительности же западный феминизм повинен скорее в том, что показал короля голым, нежели спутал ориентиры» [3. С. 16].

Мужчины начинают осознавать тот факт, что традиционное понимание мужественности противоречиво и недостижимо, а бесконечная драматическая погоня за этим идеалом делает их несостоятельными и обессиленными, лишенными важных измерений человеческой жизни. «Если женщины оставили дом, куда они были “заключены” идеологией разделения сфер, и теперь стремятся сочетать работу и семью, то мужчины стараются вернуться в семью, из которой их вытолкнула та же самая идеология» [12. С. 411].

Феминистское движение раскрыло мужчинам возможность преодоления обреченности на следование идеалу, который человек не в силах реализовать. Однако еще множество мужчин продолжают вдохновенно воспроизводить миф о «настоящем мужчине». Но уже «...настало время, чтобы мужчины поняли, что плата за соответствие мужскому идеалу очень высока и что мужественность станет менее опасной для здоровья только тогда, когда ее перестанут рассматривать как противоположность женственности. Необходимо срочно прививать мальчикам другой образец мужественности, в котором есть место признанию уязвимости» [3. С. 230].

Этот «новый образ мужественности», в котором, безусловно, назрела культурная и жизненная необходимость, должен стать зачатком изменения и всего человеческого общества. Исходная установка осмысления всех проявлений жизни только в контексте бинарных оппозиций должна смениться соцветием разнообразных эталонов феминности и маскулинности не для того, чтобы «мужчины и женщины стали больше походить друг на друга», но чтобы «каждый еще полнее и глубже стал собой» [12. С. 412].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов : пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 336 с.
2. Кон Игорь. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. 1 : учеб. пособие / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетей, 2001. С. 562–604.
3. Бадентэр Элизабет. Мужская сущность / пер. с франц. И.Ю. Крупичевой, Е.Б. Шевченко. М. : Новости, 1995. 304 с.
4. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время. 496 с.
5. Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с англ. В.В. Федорина. М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. 400 с.
6. Окладникова Е.А. Аксиосфера мужского // Мужской сборник. Вып. 2. «Мужское» в традиционном и современном обществе: Константы маскулинности. Дialeктика пола. Инкарнации «мужского». Мужской фольклор / сост. И.А. Морозов, отв. ред. Д.В. Громов, Н.Л. Пушкарёва. М. : Лабиринт, 2004. С. 13–24.
7. Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. Ч. II : хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков : ХЦГИ, 2001 ; СПб. : Алетей, 2001. С. 880–904.
8. Ушакин С.А. Поле пола. Вильнюс : ЕГУ ; Москва : Вариант, 2007. 320 с.
9. Бурдые П. Мужское господство / пер. с фр. Ю.В. Марковой // Социальное пространство: поля и практики. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетей, 2005. С. 286–364.
10. Этинген Л.Е. Половые органы мужчины и женщины // Человек. № 6 (2010). М. : Наука, 2010. С. 165–172.
11. Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии / сост. Э. Гарри, М. Пирселл ; пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 292–303.
12. Киммел М. Гендерное общество : пер. с англ. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 464 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 ноября 2012 г.